
Скажи до полуночи
Ханна Сейвел

Ханна Сейвел

Скажи до полуночи

«Автор»
2026

Сейвел Х.

Скажи до полуночи / Х. Сейвел — «Автор», 2026

Беллкрофт-холл готовится к первому за долгие годы большому семейному Рождеству, но старое зеркало в доме помнит другой декабрь.Иден Мелтон приехала в заснеженное поместье, чтобы открыть пекарню, и не собиралась лезть в чужие семейные тайны. И уж точно не планировала сближаться с Шейном Беллкрофтом, замкнутым и немногословным мужчиной, который никого не пускает ни в свою жизнь, ни в свое сердце.Но когда старый особняк начинает говорить с ними голосами из 1888 года, у живых и у мертвых остается время только до полуночи: раскрыть давний обман и успеть сказать главное, прежде чем пробьют часы.

© Сейвел Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перезвон 5
Глава 2. При дневном свете 10
Глава 3. Чужой почерк 15
Глава 4. Между страницами 20
Глава 5. Ключ 25
Глава 6. Вальс за дверью 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Ханна Сейвел
Скажи до полуночи

Глава 1. Перезвон

11 ноября

Снег пошел, когда машина свернула на главную улицу Беллстоу. Сначала Иден решила, что это дождь, как утром в Лондоне. Потом в свете фар закружились крупные медленные хлопья, и она придвинулась к окну так близко, что стекло запотело от ее дыхания. Артур Талбот, пожилой, худощавый, в темном пальто с красным бумажным маком на лацкане, сбавил скорость.

— Рано в этом году, — сказал он. — Обычно у нас до декабря только грязь. А если снег пришел в ноябре, старики говорят, зима будет долгой.

— А вы что думаете? — из вежливости поинтересовалась Иден, просто чтобы поддержать разговор.

— А я думаю, что дорога на холм к утру обледенеет, мисс, — ответил Артур, и Иден рассмеялась.

Машина неторопливо спускалась по узкой улице мимо домов из светлого камня, черепичных крыш и широких окон с теплым светом за стеклом. В витрине книжного магазина уже висели сверкающие картонные звезды. Мясник выставил на окно табличку *«Принимаем заказы на рождественских индеек»*, и Иден улыбнулась. До Рождества оставалось шесть недель, но здесь к нему, похоже, относились серьезно.

— Вы давно работаете у Беллкрофтов? — спросила она.

— Тридцать один год, мисс. Возил еще покойного мистера Беллкрофта.

— Мисс Беллкрофт писала, что в доме живет ее бабушка. Какая она?

Артур надолго замолчал, и Иден уже не ждала ответа, когда он все-таки произнес:

— Строгая. И добрая. Только в этом порядке, мисс, не наоборот.

Она снова засмеялась, и в зеркале заднего вида было видно, как у него чуть дрогнули седые усы.

— А кто еще живет в доме?

— Мисс Шарлотта с мужем, пока у них дома ремонт. И мистер Шейн, младший внук. Он приехал, когда миссис Беллкрофт упала.

Шарлотте Беллкрофт, если верить журналам, было под сорок, но Артур называл ее «мисс Шарлотта» так естественно, как называют только тех, кого знают с детства. О ее свадьбе в глянцевых изданиях тоже писали, но фамилию мужа Шарлотта брать не стала, и в письмах Иден, поколебавшись, обращалась к ней «мисс Беллкрофт». Теперь стало ясно, что она не ошиблась: миссис Беллкрофт в этом доме была только одна, и знакомство с ней Иден еще предстояло. Про мистера Шейна Артур больше ничего не добавил.

— Я еще никогда не жила в старинном особняке, — призналась Иден. — Только видела Беллкрофт-холл в журналах. На фотографиях он кажется очень старым.

Артур поймал ее взгляд в зеркале.

— В этом году ему сто восемьдесят, мисс. Стоит на открытом месте, ветер гуляет как хочет, то половица скрипнет, то в трубах загудит. Поначалу непривычно, потом перестанете замечать. — Он помолчал, потом словно неохотно добавил: — Только мой вам совет — не слушайте болтовню горничных. Девчонки молодые, наслушаются, как старый дом по ночам скрипит, а воображение у них богатое.

— А что они рассказывают?

— Всякое. Что в галерее по ночам кто-то ходит. — Артур поморщился. — Сквозняк там ходит, мисс. А они друг другу пересказывают да по всему городу разносят.

— Я верю только тому, что вижу сама, мистер Талбот.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул он и, кажется, счел разговор законченным, но через минуту махнул рукой налево и снова заговорил: — Кстати, вон там будет пекарня мисс Шарлотты.

Старинный магазинчик стоял на углу. Окна были заклеены изнутри бумагой, за ней горел резкий строительный свет и темнела тень стремянки. Но Иден знала, что через семнадцать дней в этом окне уже должна стоять витрина.

Ее собственная кондитерская пока существовала только на последней странице блокнота, куда Иден записывала все, что когда-нибудь будет у нее самой. Маленький зал, несколько столиков, окно на улицу и десерты под ее именем. В Лондоне их подавали под чужим. Она ушла оттуда в сентябре, хотя ей предлагали остаться и платить больше, и ни разу об этом не пожалела.

А в октябре неожиданно пришло письмо, короткое и деловое, с подписью внизу: *Шарлотта Беллкрофт*. Иден перечитала подпись три раза. Эту фамилию знал каждый, кто хоть раз листал журналы об английских поместьях. Беллкрофты были одной из старейших и богатейших семей Англии, а их огромный дом не раз появлялся на глянцевых разворотах. И эти люди написали ей! Не шефу, под чьим именем выходили ее десерты, а ей самой. Откуда Шарлотта вообще узнала, кто их на самом деле придумывал, Иден так и не поняла, а спросить в переписке постеснялась. Зато очень ясно представила лицо шеф-повара, когда до него дойдет эта новость. Мысль была недостойная и очень приятная. Иден позволила себе еще немного ее посмаковать и вернулась к настоящему. Контракт на полгода, интересная работа, комната в старинном особняке и деньги, с которыми последняя страница блокнота наконец станет ближе.

За городом дорога между черными голыми деревьями снова пошла вверх, и снег здесь уже не таял, а белел на обочинах. Фары выхватили каменные столбы ворот, кованые створки бесшумно разошлись, и машина въехала на длинную аллею. Дом показался не сразу. Сначала Иден увидела свет окон в темноте, потом проступили остроконечные крыши, трубы и широкое крыльцо под фонарем. Беллкрофт-холл оказался больше, чем на фотографиях. И темнее. Светилась едва ли четверть окон, и на подоконники медленно ложился снег.

Машина остановилась у крыльца. Иден посидела еще немного, прежде чем открыть дверцу. Ей предстояло жить здесь, каждое утро спускаться по этим ступеням и каждый вечер подниматься по ним, и от этой мысли у нее вдруг заколотилось сердце, как перед первым днем на новой кухне.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти в темно-синем платье, с гладко убранными седеющими волосами.

— Добрый вечер, мисс Мелтон, и добро пожаловать. Я миссис Хейл, экономка. Проходите, пожалуйста. Мисс Шарлотта ждет вас в малой гостиной.

В холле было тепло и пахло пчелиным воском, старым деревом и печеными яблоками с корицей. На столиках у стен стояли вазы с белыми розами, и Иден невольно прикинула, сколько стоят такие розы в ноябре. Высокие часы у подножия лестницы, с медным маятником за стеклом, как раз пробили четверть. Миссис Хейл взяла у Иден пальто и шарф, Артур с чемоданом уже ушел наверх, ступая так же бесшумно, как водил машину.

Они пошли через холл. Справа высились двустворчатые двери с резными филенками и потускневшей бронзой ручек. Двери были плотно закрыты, но Иден замедлила шаг раньше, чем поняла почему. Чуткий нос кондитера уловил слабый запах воска, теплый, с ноткой дыма. Так пахнет в комнате, где минуту назад задули свечи, только под дверями было темно. Иден хотела спросить, что за ними находится, но миссис Хейл уже шла дальше, и она решила пока не лезть с вопросами. В конце концов, она провела в этом доме всего пару минут.

Экономка открыла дверь в конце холла и пропустила Иден вперед. Дверь за ней тихо закрылась. Малая гостиная оказалась совсем не маленькой. Огонь в камине отражался в полированном столике, высокие окна закрывали зеленые портьеры с золотистым узором. У окна, спиной к двери, стояла женщина и говорила по телефону.

— Нет, Грег. Мне нужна подтвержденная дата. Мы открываемся двадцать восьмого, и переносить все еще раз я не буду.

Она обернулась, увидела Иден и подняла палец: минуту.

— Хорошо. Жду письма сегодня же.

Шарлотта Беллкрофт положила телефон на подоконник и пошла навстречу, протягивая руку, но на полпути заметила на рукаве муку и засмеялась.

— Простите. Я весь вечер воевала с яблочным пирогом по вашему рецепту. Повторяла его по фотографии и вашим рекомендациям в письме. Но пирог, как видите, победил.

Она была стройная, красивая и выглядела моложе своих лет. Темные волосы были собраны в узел, кремовый свитер казался совсем простым, но и он, и тонкий золотой браслет на запястье наверняка стоили больше, чем Иден могла отложить за несколько месяцев. Мука на кашемировом рукаве смотрелась на фоне этого всего так неожиданно, что Иден невольно улыбнулась и пожала протянутую руку.

— Значит, нам есть с чего начинать.

— Нам есть с чего начинать, — согласилась Шарлотта и, кажется, осталась довольна ответом гостьи.

Чай принесла совсем молоденькая горничная, и, пока она расставляла чашки, Иден дважды поймала на себе ее быстрый любопытный взгляд. Девушка явно была из тех, о которых предупреждал мистер Талбот. Чай был с бергамотом, крепкий и душистый, а на отдельной тарелке лежал кусок того самого яблочного пирога.

— Мне нужно ваше честное мнение, — сказала Шарлотта Беллкрофт.

Иден откусила, прожевала и сразу все поняла. Яблоки хорошие, кисловатые, корицы в меру. Подвело тесто: его перемесили, и оно стало жестким, как картон.

— Яблоки чудесные, — дипломатично сказала она.

Шарлотта прищурилась.

— А тесто?

— А тесто давайте завтра сделаем вместе.

Мисс Беллкрофт коротко рассмеялась, откинувшись в кресле.

— Значит, пока все печально. — Она помолчала, глядя в огонь, и добавила уже без улыбки: — Понимаете, для меня это не хобби. Что бы там ни думали в городе.

— Я так и поняла по вашим письмам, — просто ответила Иден, и Шарлотта посмотрела на нее внимательнее, чем прежде. Потом перевела взгляд на часы над камином.

— Бабушка легла рано. Велела передать, что знакомиться будет утром, при дневном свете, потому что вечером все выглядят лучше, чем есть на самом деле. Мой муж вернется поздно, с ним познакомитесь за завтраком. Ужин подадут через час. Вы спуститесь?

— Если можно, я бы пропустила. Чая и пирога более чем достаточно, а я немного устала с дороги.

— Тогда отдыхайте. Завтрак в восемь, в город поедем в половине десятого. — Шарлотта поднялась и потянулась к звонку у камина, явно собираясь позвать горничную, но рука ее так и не коснулась кнопки. Она посмотрела на Иден, потом на дверь, будто что-то взвешивала.

— Хотя нет. Я провожу вас сама. Я уверена, мы поладим, и мне самой хочется показать вам дом.

Кажется, она и сама немного удивилась своему решению, а Иден и подавно: вряд ли Беллкрофты привыкли лично провожать наверх нанятый персонал. Но вслух она, конечно, ничего не сказала и пошла за Шарлоттой.

Наверху была галерея. С одной стороны перила и темный пролет холла, с другой портреты в тяжелых рамах под неяркими бра. Бородатые мужчины, дамы в кружевах, мальчик с рыжим спаниелем, снова бородатые мужчины. Почти все позировали так, будто их заставили. Только один, молодой и темноволосый, в высоком воротнике, смотрел с холста так, словно собирался возразить художнику и в последний момент передумал. Иден задержала на нем взгляд, но табличку под рамой в полутьме было не разобрать. Сквозняка, о котором говорил Артур, она, кстати, пока не почувствовала. Шарлотта уже свернула в боковой коридор и остановилась у ничем не примечательной двери.

— Эту порой надо уговаривать, — предупредила она, нажала на ручку и привычно толкнула дверь бедром. Та вздохнула, но поддалась.

Комната была большая и неожиданно уютная. Кровать под стеганым покрывалом цвета пыльной розы, кресло у растопленного камина, письменный стол у окна, тяжелые шторы и узкая дверь в ванную. Чемодан уже поставили у шкафа.

А у стены напротив кровати стояло зеркало, которое очаровало Иден с первого взгляда: высокое, в полный рост, в золоченой раме с завитками и листьями, с полукруглым верхом. Явно старинное. Позолота кое-где стерлась до дерева, стекло по краям затуманилось. Отражение было чуть теплее и мягче, чем в жизни, будто зеркало повидало на своем веку столько лиц, что научилось быть к ним снисходительным. Мельком взглянув в него, Иден заметила, что волосы за дорогу выбились из узла, каштановые кудри торчали во все стороны, и она машинально попыталась незаметно их пригладить.

— Это бабушка велела достать его из кладовой, — пояснила Шарлотта, перехватив ее взгляд. — Сказала, что женщине, которая приехала на полгода, нельзя без зеркала в полный рост. Если оно вам мешает, вынесем.

— Нет, нет, не надо! Оно чудесное.

— И очень старое, — хмыкнула Шарлотта. — У нас все чудесное на самом деле просто старое. Привыкнете.

Она задернула штору на втором окне, а у первого остановилась и несколько секунд молча смотрела во двор. Иден подошла и встала рядом. Внизу белела брусчатка, за ней тянулось длинное низкое здание из того же камня, что и дом, с широкими воротами. В одном из его окон горел свет. Лампа висела низко над верстаком, и под ней склонился мужчина в темном свитере с закатанными рукавами. Лица было не разглядеть. Наверное, кто-то из работников поместья.

— Мой младший брат Шейн, — сказала Шарлотта, словно прочитав ее мысли. — Это бывшая каретная, он устроил там мастерскую. — Она помолчала. — Он приехал присматривать за бабушкой. Но это бабушка, по-моему, присматривает за ним.

Сказано это было с усмешкой, но Иден показалось, что за ней стоит что-то, о чем Шарлотта говорить не собиралась. По крайней мере сейчас.

Честно говоря, Иден не могла представить одного из Беллкрофтов за верстаком, с закатанными рукавами. В журналах они позировали в кабинетах, гостиных и в саду, и лица мистера Шейна она на тех фотографиях не помнила. А в доме в первый же вечер выяснилось, что Шарлотта Беллкрофт воюет с пирогом, а ее брат допоздна возится в мастерской. Похоже, об этой семье, несмотря на всю их публичность, она знала довольно мало.

Шарлотта пожелала ей спокойной ночи и ушла. Задергивая штору, Иден успела заметить, как мужчина в мастерской выпрямился и провел запястьем по лбу.

Она отошла от окна и принялась разбирать чемодан. Ножи в кожаном свертке легли на стол рядом с тетрадью рецептов. Белые рабочие куртки были развешаны в огромном шкафу, где пахло чем-то цветочным и куда, пожалуй, поместилась бы вся ее лондонская кухня. Иден написала в семейный чат*: «Доехала. Тут идет снег. Меня напоили вкусным горячим чаем и накормили пирогом»*. Мама ответила через секунду: *«Вкусным?»*Иден улыбнулась и не стала

отвечать честно. Папа, как всегда, прислал большой палец вверх. Он присылал его на все подряд, от новостей о работе до фотографий заката.

Чуть позже она устроилась у камина со списком на завтра. Огонь тихо потрескивал, дом затихал, только часы в холле едва слышно отбивали четверти.

В одиннадцать сорок пять Иден отложила список и снова отодвинула штору, чтобы посмотреть, много ли выпало снега. Свет в мастерской погас как раз в этот момент, и через минуту во дворе показалась темная высокая фигура и не спеша пошла к дому, засунув руки в карманы и оставляя на свежем снегу цепочку следов. На брусчатке под ее окном лежал бледно-желтый прямоугольник, и у самого его края мужчина остановился и поднял голову. Он посмотрел прямо на нее, и Иден со смущением сообразила, что с лампой за спиной стоит в окне как на ладони. Он смотрел секунду, может быть, две. Иден не отпрянула: прятаться было бы глупо, да и поздно. Потом Шейн опустил голову и вскоре исчез под аркой. Где-то внизу негромко стукнула дверь.

Дом затих окончательно. Часы внизу начали бить полночь. Иден, стоя посреди комнаты с расческой в руке, машинально считала удары, когда на последнем совсем рядом коротко и чисто прозвенел хрусталь. Иден сразу узнала этот звук: так звенят бокалы, когда люди чокаются. Она обернулась к двери и подождала, решив, что горничная принесла ей воды на ночь. Никто не постучал. Шагов тоже не последовало.

Она положила расческу и решила выглянуть наружу. Дверь, разумеется, пришлось уговаривать, и когда она наконец поддалась, в коридоре было пусто. У поворота к галерее горело одно бра, а дальше все тонуло в темноте.

Иден постояла, прислушиваясь. Наверное, прошла горничная с подносом. Муж Шарлотты собирался вернуться поздно и вполне мог попросить что-нибудь на ночь, а пока Иден справлялась с дверью, кто угодно успел бы дойти до лестницы. Бокалы на подносе звенят почти так же, если нести их торопливо. Объяснение было вполне разумным, и Иден решила, что оно ее устраивает.

Она закрыла дверь, взяла с кровати пижаму и пошла в ванную. Но едва она взялась за ручку, как тот же звон повторился, тише и ближе. Теперь он шел не из коридора. Звенело у нее за спиной.

Иден замерла. Потом все-таки обернулась. Комната была пуста, а из зеркала на нее смотрела она сама, растрепанная, с пижамой, прижатой к груди, и с таким лицом, словно собралась отбиваться этой пижамой от привидений.

Она фыркнула. Артур Талбот зря беспокоился насчет горничных: ее собственное воображение способно напугать ее больше их рассказов. Полдня в дороге, чужой дом, старинные часы бьют полночь, и вот, пожалуйста, — ей уже мерещится. В машине она сказала, что верит только тому, что видит сама. Пока это была лишь она сама в зеркале, и вид у нее был довольно глупый.

Иден криво улыбнулась своему отражению и решительно шагнула в ванную.

Перед сном лампу у кровати она оставила включенной.

Глава 2. При дневном свете

12 ноября

— Ну что ж, — произнесла Эстелла Беллкрофт, внимательно оглядев Иден с головы до ног. — И при дневном свете хороша, надо же.

Иден так и не поняла, похвалили ее или вынесли приговор, и на всякий случай улыбнулась. Шарлотта фыркнула в чашку.

— Бабушка!

— Что «бабушка»? Это комплимент, — невозмутимо возразила Эстелла. — В восемь утра большинство людей выглядят так, словно всю ночь давали показания. Садитесь, мисс Мелтон, чай стынет.

Завтракали в небольшой светлой комнате с окнами в сад. За ночь снег не растаял, а лег ровно и плотно, и подстриженные шары самшита стояли в белых шапках, как пирожные под сахарной пудрой. Низкое утреннее солнце добралось до самого стола и вспыхивало на серебряной подставке для тостов. Эстелла сидела во главе стола в глубоком кресле зеленого бархата, которое сюда, судя по всему, принесли из другой комнаты. Маленькая, сухонькая, с белоснежными волосами, уложенными в безупречный узел, и с ниткой жемчуга на шее, она держала спину так прямо, что Иден тоже невольно расправила плечи. К подлокотнику была прислонена трость.

— Как вам спалось на новом месте, мисс Мелтон? — поинтересовалась Эстелла. — Старые дома не всех принимают с первой ночи.

Иден замялась. Проще всего было отделаться дежурным «прекрасно», но под этим цепким взглядом лгать не хотелось.

— Я долго не ложилась, — призналась она. — А около полуночи, кажется, кто-то прошел по коридору. Я слышала, как звенят бокалы, и подумала, что это горничная несет поднос…

— Поэтому у вас всю ночь горел свет?

Мужской голос раздался за спиной так неожиданно, что Иден вздрогнула и едва не задела локтем чашку. В дверях стоял высокий мужчина в темном свитере с закатанными рукавами. Кофе он пил из кружки, которая никак не вязалась с тонким фарфором на столе: толстой, белой, со сколом на ободке.

Иден узнала его сразу, хотя ночью, под ее окном, лица было не разглядеть. Теперь она видела, что глаза у него серые, почти стального оттенка, а густые черные волосы откинуты назад так, будто он пригладил их пятерней и на этом счел вопрос решенным. Шейн Беллкрофт сделал глоток кофе и спокойно выдержал ее взгляд. Иден честно призналась себе, что он очень хорош собой, и так же честно решила, что ее это не касается.

— Новое место, — пояснила она. — Со светом мне спокойнее.

Он кивнул: то ли ответ его устроил, то ли ему было все равно.

— Шейн, сядь, — не поворачивая головы, сказала Эстелла.

Он ухмыльнулся, но послушно опустился на стул рядом с бабушкой.

— Знакомьтесь, — светским тоном произнесла Шарлотта. — Мой младший брат Шейн, тот самый, из мастерской. Пусть вас не смущают его манеры. Бабушка исправляет их уже тридцать пять лет.

— Тридцать четыре, — поправила Эстелла. — Первый год он был идеальным ребенком.

— Иден, — сказал он вместо приветствия, пропустив реплики сестры и бабушки мимо ушей.

Здесь все с самого начала называли ее мисс Мелтон, от Артура до миссис Хейл, и поэтому ее имя, произнесенное его низким негромким голосом, прозвучало так просто и буднично, будто они были знакомы много лет.

— Доброе утро, Шейн, — ответила Иден ему в тон.

Шарлотта приподняла бровь, а он посмотрел на Иден внимательнее, чем прежде, потом взял тост и занялся маслом, как будто на этом знакомство и закончилось.

— Подождите, — нахмурилась Шарлотта и отставила чашку. — Вы сказали, горничная прошла с подносом? Ночью? Девочки уходят домой сразу после ужина, следом и все остальные. После десяти в доме остаемся только мы.

— А ваш муж? Вы говорили, он вернется поздно.

— Он и вернулся, во втором часу. И уехал в шесть, — легко ответила Шарлотта, но Иден заметила, что чай она размешивала дольше, чем того требовал сахар. — Познакомитесь с ним в выходные, если повезет.

— Значит, это был дом, — заключила Эстелла, словно желая перевести разговор. — По ночам он звенит, скрипит и вздыхает. Привыкнете. В том крыле сейчас живете только вы, мисс Мелтон. Наши комнаты по другую сторону галереи, а я и вовсе внизу, с тех пор как мои ноги рассорились с лестницей.

Иден открыла было рот, чтобы сказать, что второй раз звенело совсем рядом, у нее за спиной, в пустой комнате, но вовремя остановилась. Это прозвучало бы так, будто нанятый кондитер в первое же утро рассказывает хозяевам про привидения.

— Наверное, мне показалось, — вместо этого согласилась она.

Спорить никто не стал. Только Шейн поднял глаза от тарелки и бросил на нее еще один внимательный взгляд, но затем вернулся к завтраку.

К облегчению Иден, разговор свернул к пекарне, а от пекарни — к вчерашнему пирогу.

— Шейн, ты съел кусок, который я тебе оставила? — спросила Шарлотта.

— Съел, — ответил он, не отрываясь от тоста.

— И? — Шарлотта подалась вперед.

— Яблоки хорошие.

Иден поперхнулась чаем. Вчера вечером она сказала почти то же самое. Шарлотта перевела взгляд с брата на нее и обратно.

— Вы что, сговорились?

— Мы пять минут как знакомы, — напомнил Шейн и невозмутимо отпил кофе.

— Двадцать восьмого в Беллстоу включают рождественские огни, — снова вмешалась Эстелла, возвращая разговор к делу. — Весь город выйдет на улицу. Открываться в такой день либо очень умно, либо очень глупо.

— Умно, — отрезала ее внучка.

— Посмотрим. — Эстелла повернулась к Иден. — А вы, мисс Мелтон, любите Рождество? Или для кондитера это просто самые тяжелые шесть недель в году?

На этот раз Иден улыбнулась совершенно искренне.

— И то и другое. Но все же больше люблю. Особенно наряжать елку. У мамы есть коробка бабушкиных стеклянных игрушек, совсем тонких, как мыльные пузыри. Каждый год я боюсь разбить хотя бы одну, и каждый год мама все равно доверяет мне их вешать.

Про игрушки она рассказывать не собиралась. Само сорвалось, как бывает, когда компания приятная, а в комнате солнечно и пахнет поджаренным хлебом.

— Наши подобные лежат на чердаке, — сказала миссис Беллкрофт. — Лет двадцать их никто не открывал.

— Больше, — негромко сказал Шейн, не поднимая глаз от кружки.

Эстелла посмотрела на внука, и пауза вышла длиннее, чем нужно для спора о датах. Иден сосредоточенно занялась джемом.

Шейн допил кофе и взглянул на запястье. Часы у него были старые, на потертом кожаном ремешке, со светлым циферблатом. Самой дорогой вещью у Иден был набор ножей, на который

она копила полгода, но даже она понимала, что такие часы не покупают в торговом центре. Наверное, достались по наследству. В таких семьях их, возможно, вручают вместе с фамилией.

Она вдруг заметила, что миссис Беллкрофт тоже посмотрела на его часы, и лицо у нее на миг смягчилось.

— Мне пора, — сказал он, поднимаясь. — Бабушка, если что, я в мастерской.

— Где же еще, — со вздохом отозвалась та.

Он одинаково коротко кивнул Шарлотте и Иден и вышел. Кружку забрал с собой.

Только теперь Иден сообразила, что весь завтрак ждала обычного «откуда вы приехали» или «где работали раньше». Об этом спрашивал каждый новый знакомый: так было принято в нормальном обществе. Шейн Беллкрофт не спросил ничего. Зато он знал, что свет у нее горел до утра.

Впрочем, его мастерская стояла прямо напротив. Логично, что он видел.

— Не принимайте на свой счет, — сказала Эстелла, словно прочитала все у нее на лице. — Если бы он хотел вас обидеть, вы бы это сразу заметили.

— Очень утешительно, бабушка, — рассмеялась Шарлотта и поднялась из-за стола. — Мисс Мелтон, в половине десятого жду вас у машины. Сегодня я сама за рулем.

Через полчаса они уже ехали в город. Шарлотта вела быстро и уверенно, но на спуске с холма сбросила скорость.

— Мистер Талбот вчера обещал, что к утру все обледенеет, — заметила Иден.

— Про дорогу Артур всегда прав.

Под солнцем весь Беллстоу был цвета меда. Над крышами тянулся дым, на тротуарах уже расчистили узкие дорожки, а табличка про рождественских индеек висела на прежнем месте, и Иден подумала, что ей нравится этот городок.

— Ваш брат всегда такой разговорчивый? — осторожно поинтересовалась она.

— Сегодня он еще был в ударе, — усмехнулась Шарлотта. — Обычно он говорит бабушке «доброе утро» и «мне пора», а остальное она додумывает сама.

Иден рассмеялась.

— А чем он там занимается, в бывшей каретной?

— Старыми мотоциклами, — ответила Шарлотта, не отрывая глаз от дороги. — Собирает их заново, когда все уже решили, что собирать там нечего. Вообще-то у него своя мастерская, не здесь. А здесь он ради бабушки.

Она помолчала и, свернув на главную улицу, заговорила о печах таким тоном, словно давала понять, что продолжать тему о брате не желает. Иден, разумеется, не стала настаивать.

Днем магазинчик выглядел иначе, чем вчера в сумерках: узкий двухэтажный дом из светлого камня, с эркером и пустым кронштейном для вывески над входом. У тротуара стоял белый фургон, и из открытой двери доносились звуки радио и визг пилы. Внутри пахло штукатуркой, сырой древесиной и холодом. Пол был застелен картоном, вдоль стены стоял прилавок, затянутый пленкой, и сквозь нее темнело красное дерево. За снятыми панелями открылась старая плитка, кремовая, с зеленым бордюром, кое-где треснувшая, а кое-где такая целая, будто ее положили на прошлой неделе. Иден не удержалась и провела по ней пальцами.

— Оставим, — сказала Шарлотта, проследив за ее взглядом. — Грег считает, что я сошла с ума. Кстати… Грег!

Невысокий плотный мужчина лет пятидесяти с карандашом за ухом вышел к ним с лицом человека, который уже высказал все, что думает о сроках, и готов повторить.

— Мисс Беллкрофт, электрик будет во вторник, — устало сказал он. — Клянусь.

— Вы клялись и в прошлый вторник, — холодно напомнила Шарлотта.

— Тогда у него сломалась машина.

— Значит, в этот пусть едет на автобусе.

Иден оставила их спорить и пошла осмотреть кухню. Та оказалась больше и светлее, чем она ожидала. Одна печь, новенькая, в блестящей стали, уже стояла на месте. Вторая ждала в ящиках у стены и, судя по слою пыли, ждала не первый день. Иден медленно обошла помещение, представляя, где будет мука, где тестомес и кто кому будет мешать в половине пятого утра, когда все закрутится. Плохо было одно — рабочий стол поставили слишком далеко от печей, а человек с горячим противнем не должен обходить того, кто раскатывает тесто.

Она отыскала в ящике с инструментами кусок мела и начертила на полу прямоугольник.

— Стол лучше перенести сюда, — сказала она, когда увидела, что Грег заглянул в кухню. — А стеллаж для остывания поставить к той стене.

Мужчина посмотрел на мел, потом на нее и, похоже, собирался возразить, но передумал.

— Стол на колесах, — буркнул он наконец. — Двигайте куда хотите.

— Пусть двигают ваши люди или вы сами, Грег, — раздался у него за спиной голос Шарлотты.

Она стояла в дверях, скрестив руки, и разглядывала меловой прямоугольник с явным удовольствием. Мужчина вздохнул и покатил стол через кухню. На полпути он вдруг спросил, не оборачиваясь:

— Говорят, младший ваш вернулся?

Мисс Беллкрофт нахмурилась, но все же ответила.

— Вернулся.

— На мотоцикле небось? — Грег подтолкнул стол. — Хорошо хоть, повзрослел. А то, помню, мальчишкой гонял тут по ночам и снес мне забор у палисадника.

— И через неделю поставил новый, — сказала Шарлотта, не повышая голоса. — Сам.

Грег загнал стол точно по мелу и выпрямился.

— Поставил, — признал он. — До сих пор стоит. Ровнее старого, если честно.

Иден обратила внимание на это «сам». Беллкрофтам ничего не стоило нанять рабочих или просто оплатить Грегу новый забор, а мальчишка, выходит, поставил его своими руками. Интересно.

— Если вторую печь подключат до двадцатого, мы все успеем, — сказала она, чтобы переключить мысли на что-то другое.

— Подключат, — пообещала Шарлотта тоном, после которого электрику стоило бы прямо сейчас бежать на автобус. — А теперь пойдемте вниз. Посмотрите, где будет склад.

Лестница в подвал была каменная и крутая, со ступенями, стертыми посередине. Внизу их ждали низкие кирпичные своды, голая лампочка на проводе и сухой холод.

— Мука, сахар, орехи — все сюда, — сказала Шарлотта. — Грег клянется, что сырости здесь не было лет сто.

Иден приложила ладонь к холодной и совершенно сухой кладке. Мешки здесь спокойно пролежали бы всю зиму.

— Только на поддонах и не вплотную к стене, — сказала она. — И надо повесить термометр.

Шарлотта сделала заметки в телефоне. В углу громоздились разобранные полки, а на кирпиче, где они раньше стояли, светлело пятно.

— Эти полки, по-моему, не двигали с тех пор, как закрылась кондитерская, — сказала Шарлотта. — Когда на прошлой неделе рабочие их сняли, за ними на полу обнаружилась жестяная коробка. Грег хотел выбросить ее вместе с мусором, но в последний момент все-таки открыл и передал мне. Я забрала ее к себе в кабинет. Пойдемте, вот ее я тоже хотела вам показать.

Они поднялись обратно, в маленькую комнату за кухней, которую Шарлотта назвала кабинетом. Она выдвинула ящик стола и достала жестянку из-под печенья, такую старую, что рисунок на крышке почти стерся. Внутри, завернутая в промасленную ткань, лежала книга — толстая, в выцветшем матерчатом переплете, с углами, протертыми до картона. Иден бережно вынула ее и открыла. На форзаце коричневыми чернилами, крупным округлым почерком было выведено: *«Кондитерская Фэрроу. Беллстоу»*.

— Я знала, что здесь когда-то была кондитерская, — призналась мисс Беллкрофт. — Если честно, поэтому и купила это здание. Но найти такую старую книгу рецептов… Я полистала ее и подумала, что вы обязательно должны это увидеть.

Иден перевернула несколько страниц. Рецепты шли один за другим, записанные тем же аккуратным почерком: унции, фунты, пинты, «печь умеренная», «печь горячая, но не яростная». Бумага местами истрепалась, на полях темнели пятна сиропа и масла, а в одном углу отпечатался жирный след большого пальца.

Ближе к середине две страницы слиплись намертво: наверное, когда-то на них пролили сироп. Трогать их Иден пока не стала, чтобы случайно не повредить. Но на полях обнаружилось и кое-что другое. Мелкие быстрые карандашные строчки, совсем не похожие на круглый почерк рецептов, бежали вдоль страниц, заворачивали на угол, пробирались между ингредиентами. Иден наклонилась, чтобы разобрать первую, но тут у Шарлотты в кармане зазвонил телефон.

— Электрик, — сказала Шарлотта, взглянув на экран. — Сам! Это чудо, я должна ответить. — Она уже шла к двери. — Книгу возьмите себе, если хотите. Мне еще надо заскочить в банк и к стекольщику, а за вами я пришлю Артура.

Иден провела день среди пыли и чертежей и спорила с Грегом о розетках. Ближе к вечеру позвонила Шарлотта: электрик обещал приехать во вторник к восьми утра, а Артур будет через полчаса.

Рабочие начали собирать инструмент, и Иден наконец добралась до книги. В ожидании водителя она устроилась на широком подоконнике у окна. Стекла все еще закрывала бумага, и за ней понемногу темнело. Где-то хлопнула дверь паба. Иден вгляделась в щель между листами на окне и увидела, что опять пошел снег, мелкий и редкий, не такой, как вчера.

Она открыла книгу наугад, ближе к концу. *«Рождественский торт с миндалем и апельсином»*, — вывел аккуратный почерк. Ниже шли фунт миндаля, масло, яйца, мука и цедра ~~одного~~апельсина, только слово *«одного»*кто-то зачеркнул карандашом и сверху надписал *«двух»*.В самом конце списка тем же карандашом было добавлено то, чего Иден никак не ожидала: *«жженый сахар, две ложки»*.

Она прикинула в уме. Две ложки жженого сахара на фунт миндаля дадут заметную горечь, а цедра двух апельсинов подхватит ее и не даст стать резкой. Такого сочетания в рождественском торте Иден еще не встречала.

Рядом на полях тот же быстрый карандаш объяснял: *«Отец говорит, что апельсина слишком много. Отец ошибается»*. А ниже, с другим нажимом и, видимо, позже: *«К Рождеству сделаю по-своему»*.

Иден рассмеялась вслух, одна в пустом магазинчике, и смех гулко отскочил от голых стен. Кем бы ни был этот человек с быстрым почерком, спорить с отцом из-за апельсина он умел.

Она уже хотела закрыть книгу, когда заметила в самом углу страницы еще два слова, мельче остальных, будто их писали, прикрывая ладонью.

«Для Э.»

Глава 3. Чужой почерк

13 ноября

— Вы его греете, — сказала Иден. — Руки теплые, масло тает, и получается тот самый картон.

Шарлотта посмотрела на свои ладони так, будто они ее предали.

— Я его не грею. — Но уже через мгновение сдалась: — Хорошо. Грею.

В половине восьмого утра на кухне пекарни было так холодно, что изо рта шел пар, и для песочного теста лучшей погоды нельзя было придумать. Вторая печь по-прежнему стояла в ящиках, рабочие еще не пришли, и на всю кухню горели лишь лампа над столом и экран телефона, который Шарлотта положила рядом с миской и проверяла каждые две минуты.

Приехали они к семи, еще в темноте, и за руль Шарлотта опять села сама. Учиться здесь, а не в особняке, предложила Иден. Там на кухне стояла чугунная плита, которую не гасили ни зимой, ни летом, с утра там хозяйничала миссис Хейл, а песочное тесто тепла не любит. Когда машина отъезжала от дома, в окне бывшей каретной уже горел свет. Иден отметила это, но не стала гадать, ложился ли тот человек вообще спать.

Она высыпала в миску новую порцию муки и бросила сверху масло, нарезанное мелкими кубиками прямо из холодильника.

— Смотрите. Только кончики пальцев. Как будто перебираете крупу и боитесь ее разбудить.

Масло под ее пальцами быстро превращалось в рассыпчатую крошку. Иден по ложке добавила воды и остановилась, когда тесто только начало держаться вместе, неровное и некрасивое.

— Все? — недоверчиво спросила Шарлотта. — Оно же разваливается.

— Оно отдыхает. Завтра скажет спасибо.

Шарлотта попробовала сама. Первую порцию теста она перемесила: ей показалось, что оно недостаточно гладкое. Вторую слишком долго грела в руках, пока отвечала на звонок. На третьей телефон зазвонил снова, и она отключила его, не глядя, с такой силой, что Иден на всякий случай убрала миску с края стола.

— Еще раз, — сказала Шарлотта.

— Можно продолжить завтра, — предложила Иден.

— Я не уйду отсюда, пока оно у меня не получится.

— Тогда нам понадобится больше масла.

Шарлотта фыркнула и взяла новый брусок.

— Зачем вам это? — спросила Иден, глядя, как она режет масло, сжав губы. — Вы могли бы просто нанять пекарей и приезжать по утрам, чтобы попробовать выпечку.

— Могла бы. — Шарлотта бросила кубики в муку. — Но я хочу хоть что-то в этой пекарне уметь сама. И потом, у меня с выпечкой давние отношения. В детстве я каждую пятницу таскала с кухни печенье. Полными карманами.

— Так любили сладкое?

— Нет. — Она опустила пальцы в миску. — Впрочем, сейчас это неважно. Смотрите, я не грею.

Четвертая попытка получилась почти правильной. Шарлотта долго и очень аккуратно заворачивала тесто в пленку, а потом еще и подписала маркером: *«Мое. Не трогать»*. В холодильнике она положила его рядом со свертком Иден, с виду точно таким же.

— Если завтра все получится, я хочу знать, что это мое, — объяснила она, перехватив взгляд Иден.

В восемь пришли рабочие, и Шарлотта стала другим человеком. Она говорила быстро и коротко, знала, где лежат накладные, когда приедет грузовик с витринами и почему в счете от сантехника на двести фунтов больше, чем договаривались. Грегу влетело за пленку на плитке, поставщику — за перенесенную доставку, а когда Иден предложила поменять местами витрину и кассу, досталось и ей.

— Витрину я уже придумала, — отрезала Шарлотта и ушла в кабинет.

Иден пожала плечами и вернулась в кухню. Ей случалось работать с шефами, которые швыряли сковороды. Хозяйка, которая хлопает дверью кабинета, была далеко не самым страшным, что может случиться на новом месте.

К обеду она составила черновое меню на первую неделю, проверила единственную работающую печь на трех температурах и испекла пробный противень песочного печенья, чтобы найти горячий угол. Он был справа сзади, как почти везде. С того края все подгорело, остальное вышло ровным, и Иден записала в блокнот: противни разворачивать на середине.

Шарлотта вышла из кабинета около часа, взяла печенье с подгоревшего края, откусила и поморщилась.

— Утром я на вас огрызнулась.

— Немного.

— Я злилась не на вас, а на электрика, мужа и тесто. — Она доела печенье, хотя оно горчило. — Витрину можно поменять местами с кассой. Я посмотрела, вы правы.

— Я знаю, — просто ответила Иден, и Шарлотта неожиданно рассмеялась.

— А можно я спрошу? — Иден пододвинула к ней тарелку с печеньем из середины противня. — Откуда вы обо мне узнали? Ведь под теми десертами стояло не мое имя.

— В сентябре мы с мужем ужинали в вашем ресторане. — Шарлотта взяла еще одно печенье и с видимым удовольствием откусила. — Муж весь вечер проговорил по телефону, так что грушу с карамелью я запомнила очень хорошо. Я попросила позвать шефа и спросила, почему соль в карамели копченая. Он улыбнулся и сказал, что это секрет заведения.

— Он просто не знает, — не удержалась Иден.

— Я так и подумала. Поэтому дала официанту двадцать фунтов, и он рассказал, что секрет заведения зовут Иден Мелтон и что с прошлой недели она там не работает. — Шарлотта стряхнула крошки с пальцев. — Мне хочется верить, что эти двадцать фунтов были самой полезной тратой за весь год.

Иден хотела ответить что-нибудь достойное, но ничего не шло в голову.

— Груша запекалась на углях, — сказала она наконец. — Обычная соль рядом с ней пропадала.

— Вот видите. А он сказал, секрет.

Обедала Иден в кабинете, на единственном стуле, с чаем из термоса и книгой Фэрроу на коленях. Вчера она успела прочитать одну страницу. Сегодня ей хотелось больше.

Карандашный почерк встречался почти на каждой странице, мелкий, быстрый, с длинными хвостами у букв, будто человек писал на ходу. У савойского бисквита было приписано: *«Взбивать у открытого окна, в тепле опадает. Отец не верит и взбивает у печи»*. Возле имбирных пряников: *«Миссис Пул берет только без цукатов и только по средам. Не спорить»*. На странице с лимонными тарталетками: *«Половину сахара. Вторую половину пусть добавит тот, кто любит, когда сводит зубы»*. А у рождественского пудинга: *«Мешать всем по очереди и загадывать желание. Отец уже десять лет загадывает одно и то же. Я знаю, что»*.

Из пометок понемногу складывалась целая лавка: кто что покупает, в какую погоду не выйдет безе, сколько миндаля уходит к Рождеству и почему по субботам надо ставить вдвое больше булочек.

Иден читала и улыбалась, а под пометкой про лимонные тарталетки подписалась бы сама. Тот, кто это писал, знал ремесло не понаслышке. Он помнил покупателей по именам, понимал,

почему опадает бисквит, и не боялся ни лимона, ни горечи. Сама Иден никогда не положила бы в рождественский торт столько апельсина и уж точно не стала бы жечь для него сахар. Теперь ей хотелось попробовать.

На самой последней странице, после всех рецептов, нашлась пометка, не похожая на остальные: *«Отец обещал написать на вывеске «Фэрроу и дочь». Маляр сказал, что «и дочь» стоит еще шиллинг. Вывеска осталась как была».*

Значит, дочь. И, судя по всему, совсем молодая: так спорят с отцом в двадцать, а не в сорок. Иден перечитала пометку дважды. Один лондонский шеф рассуждал точно как этот маляр, а ее собственная вывеска пока существовала только на последней странице блокнота.

— Что там пишут? — Шарлотта заглянула в кабинет с телефоном у уха.

— Она спорит с отцом. Почти на каждой странице.

— Узнаю в ней себя, — фыркнула Шарлотта. — Правда, в моем случае это был дед.

И снова исчезла.

После обеда день понесся быстрее. Привезли витрины, на десять сантиметров шире, чем в чертеже. Грег ругался вполголоса, Шарлотта вслух, Иден молча мерила проход рулеткой и в конце концов доказала, что все встанет, если передвинуть стеллаж.

Шарлотта обвела взглядом это хозяйство, ящики со второй печью и вдруг села на перевернутое ведро.

— Мы не успеем, — сказала она тихо, совсем не тем голосом, каким утром разговаривала с поставщиком. — Двадцать восьмого весь город придет посмотреть, как Шарлотта Беллкрофт играет в булочную. И увидит пустые витрины.

— Не увидит, — сказала Иден. — Если печь подключат во вторник, у нас будет полный ассортимент. Если в пятницу, урежем меню до того, что успеваем, и никто, кроме нас, об этом не узнает. Если не подключат вообще, будем печь в две смены. Пустых витрин не будет.

Шарлотта подняла голову и несколько секунд ее разглядывала.

— Вы всегда такая спокойная?

— Нет. Только когда у меня есть план.

К шести рабочие ушли, а Шарлотта переоделась в кабинете и вышла оттуда в темном платье и с таким лицом, словно собиралась на экзамен.

— Ужинаю с мужем, — сказала она, поправляя серьгу. — Впервые за две недели. Артур повез бабушку к врачу, они вернутся поздно, так что я попросила Шейна за вами заехать. Он скоро будет.

— Я могу взять такси…

— В пятницу вечером? Пабов в Беллстоу четыре, а такси, можно считать, два. Угадайте, кого они сегодня возят. — Шарлотта уже застегивала пальто. — Заприте за мной, пожалуйста. Ключ оставьте пока у себя.

Вскоре у дверей будущей кондитерской остановилась машина. Не та, на которой ее привез Артур, а старый темно-зеленый внедорожник с вмятиной на крыле. Шейн не вышел и не посигналил, просто ждал, пока она запрет дверь.

— Добрый вечер, — сказала Иден, забираясь на пассажирское сиденье.

— Добрый.

В салоне пахло холодом, моторным маслом и кофе из пустого бумажного стаканчика в подстаканнике. Радио еле слышно играло что-то рождественское. Шейн вырулил на главную улицу, и некоторое время они ехали молча, только дворники смахивали со стекла редкие снежинки. Его руки лежали на руле спокойно, и на костяшках правой темнела полоска, которую не взяло мыло.

— Вы всегда работаете допоздна? — спросила Иден, когда молчание стало казаться ей невежливым.

— Когда есть работа.

— А когда нет?

Он чуть пожал плечами.

— Тогда нахожу.

Песня по радио закончилась, ведущий что-то пробормотал про пробки на объездной, и зазвучало вступление, которое Иден узнала бы с первой ноты. *ChrisRea«Driving Home for Christmas»*.Папа включал ее каждый декабрь, как только они выезжали к бабушке, и мама заранее затыкала уши.

— А можно погромче? — спросила Иден раньше, чем успела подумать, удобно ли просить.

Шейн молча прибавил звук. Она дослушала до конца, глядя, как снег летит навстречу фарам, и заметила, что улыбается, только когда поймала его взгляд.

— Папа поет ее каждый год, — объяснила она. — Мимо нот.

— Ее все поют мимо нот, — заметил Шейн, не отрывая глаз от дороги. — Так задумано.

Она держала на коленях книгу, завернутую в промасленную ткань. Оставлять ее в пекарне, где все еще пилили и сверлили, не хотелось.

— Это та книга из подвала? — спросил Шейн, кивнув на сверток.

Значит, Шарлотта рассказывала о находке дома.

— Да. Кондитерская Фэрроу.

— Корешок цел?

— Треснул. Сверху.

— Не клейте его сами. И не держите у батареи.

Что в книге, он не спросил, его волновал только корешок. Иден даже стало немного обидно за Фэрроу. Потом она решила, что человек, который чинит старые мотоциклы, про любую вещь первым делом спрашивает, насколько она уцелела.

Остаток пути прошел в молчании, но Иден не чувствовала неловкости. У крыльца Шейн остановился, дождался, пока она выйдет, и уехал за угол дома, к своей мастерской. Иден поднялась по ступеням и уже у двери спохватилась, что так и не сказала ему спасибо.

В холле ее встретила миссис Хейл, уже в пальто. Миссис Беллкрофт задерживается у врача, мистер Шейн будет ужинать у себя в мастерской, а для мисс Мелтон оставлен суп на плите. Сама она уходит, но, если что-нибудь понадобится, телефон в кухне, номер записан на стене.

Когда за ней закрылась дверь, дом стал заметно тише. Иден съела суп одна за огромным кухонным столом, под тиканье часов, и запила его чаем с куском все того же яблочного пирога Шарлотты. Потом она мыла тарелку и думала, что ни разу в жизни не оставалась одна в доме, где столько комнат.

Наверху было тихо. Дверь пришлось уговаривать недолго, теперь у Иден получилось почти сразу: один толчок бедром, как показывала Шарлотта. Она приняла душ, переоделась в пижаму и включила лампу у кровати и лампу на столе. Резкий верхний свет она невзлюбила с первого вечера.

Вчерашняя ночь прошла спокойно, и Иден почти убедила себя, что в первую у нее просто звенело в ушах после долгой дороги. За письменный стол она села так, чтобы чудесное старинное зеркало оставалось перед глазами. Отсюда оно стояло наискосок, и в нем отражались кровать, камин и сама Иден с книгой.

Она полистала страницы. Миссис Пул по-прежнему брала имбирные пряники только без цукатов и только по средам, а бисквит все так же полагалось взбивать у открытого окна. Внизу часы глухо пробили четверть десятого. Иден раскрыла книгу на рождественском торте. В таком огромном пустом доме вдруг захотелось услышать хоть чей-нибудь голос, пусть даже свой собственный.

— «Отец говорит, что апельсина слишком много», — перечитала она вслух. — «Отец ошибается».

В пустой комнате ее голос прозвучал так громко, что Иден сама смутилась. Она хотела читать дальше, но вдруг почувствовала запах, такой знакомый, что оторвалась от страницы, еще не понимая почему. Через секунду она узнала жженый сахар, темный, с горчинкой, и апельсиновую цедру, то есть тот самый торт, о котором только что читала.

Иден поднесла книгу к лицу, но страницы пахли лишь пылью и старым клеем. Дело было не в книге. Теплый густой аромат стоял во всей комнате, как бывает на кухне в Сочельник, когда все уже испечено, а съесть еще никто ничего не успел.

Иден осторожно подняла голову. В зеркале все так же были видны кровать, камин и она сама за столом. А за ее спиной, в отражении, у окна стояла женщина…

Молодая, в темно-зеленом шелковом платье с кружевом по вырезу. Светлые волосы медового оттенка были убраны наверх, и несколько прядей выбилось у висков. Она не была ни прозрачной, ни страшной. Живая, только краски чуть более блеклые, как на старой фотографии, которую кто-то бережно раскрасил вручную.

Сердце у Иден ухнуло куда-то вниз. Она рывком обернулась, так что ножки стула проскрежетали по полу.

У окна никого не было. Штора не шевелилась, за стеклом темнел двор. В комнате Иден была одна.

Она медленно, очень медленно повернулась обратно к зеркалу.

Женщина никуда не делась. Она стояла на том же месте и смотрела прямо на Иден, потом наклонила голову к плечу, как будто хотела рассмотреть получше.

Иден поднялась, не сводя глаз с зеркала, и попятилась к двери. Книга сама собой оказалась прижата к груди. Ей нужен был свет, яркий, обычный, скучный верхний свет, при котором ничего такого происходить не может. Рука нашарила выключатель. Под потолком вспыхнуло, затем сухо треснула лампочка, и комната провалилась в полную темноту. Погасли и обе лампы. Остался только камин, прогоревший до углей, и в зеркале теперь дрожали красные отблески.

Иден вжалась спиной в дверь и перестала дышать.

А из темноты, от зеркала, тонко и чисто прозвенел хрусталь.

Глава 4. Между страницами

13–18 ноября

Сколько она так простояла, вжавшись спиной в дверь, Иден потом не могла сказать. Может быть, минуту, а может, все десять. Угли в камине понемногу темнели, в зеркале дрожали их красные отблески, и больше в нем ничего не было видно. Звон не повторялся. Запах жженого сахара слабел, и сквозь него все сильнее пробивался другой, сухой и неприятный. Так пахнет старый обогреватель, когда его первый раз за зиму включают.

Потом в коридоре раздались шаги, быстрые, тяжелые и… самые обыкновенные, и от одного их звука Иден стало немного легче. Под дверью показалась полоска белого света, какой бывает от фонарика, и в дверь постучали.

— Иден?

По имени ее здесь называл только один человек. Даже Шарлотта, которая с первого вечера держалась с ней без всяких церемоний, до сих пор говорила «мисс Мелтон». Иден нащупала ручку и дернула, забыв, что эту дверь надо уговаривать, и открыть ее удалось только со второй попытки. В коридоре стоял Шейн с фонариком, в куртке, наброшенной прямо на свитер, и держал луч в сторону, чтобы не светить ей в лицо.

— Пробки выбило, — коротко пояснил он. — Все ваше крыло погасло. Из мастерской было видно.

— Я просто включила свет, — растерянно сказала Иден, словно оправдывалась. — Верхний.

— Понимаю.

Он прошел мимо нее в комнату и посветил сначала на потолок, где из патрона торчали осколки, потом на пол, где поблескивало стекло. Иден осталась стоять в дверях. Смотрела она не на него, а на зеркало, но в луче фонаря оно теперь было обыкновенным, просто старым и золоченым. Покажись та женщина сейчас, при свидетеле, Иден бы только обрадовалась, но зеркало, как назло, вело себя совершенно прилично.

— Не наступите на стекло, — предупредил Шейн. Он щелкнул выключателем у двери, чтобы верхний свет больше не включился, и вышел обратно в коридор.

Иден пошла за ним, потому что оставаться одной в темной комнате ей совсем не хотелось. Щиток прятался в стенном шкафу у лестницы, и сама она ни за что бы его не нашла. Шейн открыл дверцу, недолго повозился внутри, что-то щелкнуло, и в ее коридоре опять загорелся свет.

— Патрон оплавился, оттого и пахнет, — сказал он, закрывая щиток. — Лампы будут гореть, а верхний свет пока не трогайте. Завтра все исправим.

— Хорошо, — послушно кивнула она.

Он задержал на ней взгляд. Иден легко представила, что он видит: бледную растрепанную женщину в пижаме, с книгой рецептов в обнимку. В первую ночь она собиралась отбиваться от привидений пижамой, теперь вот вооружилась книгой, так что некоторый прогресс, можно сказать, был налицо.

— Не порезались? — спросил он.

— Нет… кажется, нет, — ответила Иден и только теперь сообразила, что стоит на холодном полу босиком. — Но точно замерзла.

На секунду ей показалось, что сейчас он спросит, что случилось на самом деле, и она, наверное, ответила бы. Это было бы нетрудно, всего четыре слова: «В зеркале была женщина». Но больше Шейн ни о чем не спросил.

— Спокойной ночи, Иден, — сказал он и пошел вниз по лестнице, светя себе под ноги.

— Спасибо! — спохватилась она, когда он был уже на середине пролета. Хоть в этот раз не забыла.

Шейн, не оборачиваясь, поднял руку с фонариком, и через минуту где-то внизу стукнула дверь. Иден же вернулась в комнату. Обе лампы горели как ни в чем не бывало, сахаром больше не пахло, только горелым, и, если бы сердце не колотилось до сих пор где-то в горле, она могла бы решить, что ей все привиделось. Первым делом она надела тапочки, после этого собрала осколки, стараясь не смотреть в зеркало. А под конец сняла с кресла большую шерстяную шаль, которую мама подарила ей на прошлое Рождество, и набросила на раму целиком, от верха до самого пола. Глупо, конечно. Зато так было гораздо спокойнее.

В субботу Иден повезло: к завтраку спустился муж Шарлотты. Доминик оказался высоким, светловолосым мужчиной, загорелым не по сезону и очень вежливым. Когда Иден вошла, он поднялся из-за стола и пожал ей руку. Спросил, понравился ли ей Беллстоу, и выслушал ответ с таким вниманием, что она даже не обиделась, когда он дважды посмотрел на телефон.

— Значит, вы и есть та самая волшебница, — улыбнулся Доминик. — Шарлотта только о вас и говорит. Ну, и как вам ее проект?

Шарлотта, которая как раз намазывала тост маслом, на секунду замерла с ножом в руке.

— Пекарня, — мягко поправила Иден. — И да, мне она очень нравится.

— Ну да, пекарня, — легко согласился он и улыбнулся жене. — Я так и хотел сказать.

Тут у него снова зажужжал телефон. Доминик извинился, встал и уже в дверях заговорил с кем-то о сроках и поставках. Шарлотта отложила нож.

— Он хороший, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Просто очень занятой.

Миссис Беллкрофт молча подлила себе чаю и аккуратно, без стука, поставила чайник на место. А Иден вспомнила, как в первый вечер Шарлотта сказала ей, что пекарня для нее не хобби, что бы там ни думали в городе. Похоже, думали так не только в городе.

Про зеркало она решила молчать, по крайней мере сегодня. Но когда Шарлотта ушла звонить Грегу, которому, видно, и в субботу не было покоя, а ее бабушка осталась за столом, вопрос вырвался сам собой.

— Миссис Беллкрофт, а зеркало у меня в комнате… Оно давно в доме?

— Дольше, чем я, — ответила Эстелла, отставляя чашку. — Сколько я здесь живу, оно всегда стояло в кладовой под чехлом. Свекровь говорила, что ему лет двести, но она про все так говорила, включая собственный возраст. А почему вы спрашиваете?

Иден открыла было рот. Всего четыре слова, но здесь, при дневном свете, за столом с серебряной подставкой для тостов и вазочкой джема, они вдруг показались ей совершенно невозможными.

— Просто… оно красивое, — сказала она вместо этого.

— Красивое, — повторила миссис Беллкрофт таким тоном, что было ясно: она не поверила ни единому слову, но допытываться не собирается.

Около десяти к Иден пришел Шейн с ящиком инструментов и новой лампочкой в кармане куртки.

— А я думала, пришлют электрика, — удивилась Иден, пропуская его в комнату.

— Один уехал к дочери, она должна рожать на днях, — пожал плечами Шейн. — Второго Шарлотта уже две недели караулит для пекарни, и, если я вызову его сюда, она мне этого не простит. А третьего в субботу искать дольше, чем самому патрон поменять.

Иден вспомнила забор, который он когда-то сам поставил Грегу, хотя в этой семье ничего не стоило заплатить кому угодно, и подумала, что дело, видимо, не только в электриках. Шейн поменял патрон, пощелкал выключателем, зачем-то постучал костяшками пальцев по стене у розетки и прислушался, будто стена могла ему что-то ответить. Потом кивнул на занавешенное зеркало и вопросительно посмотрел на Иден, но не успела она и рта раскрыть, как он уже отвернулся.

— Патрон был старый, — сказал он и щелкнул выключателем. Под потолком загорелся самый обычный, скучный свет. — Этот лет сорок теперь простоит.

И ушел. А Иден так и осталась посреди комнаты с тремя заготовленными объяснениями, одно другого глупее. Лучшим из них было то, что зеркало по утрам пускает солнечных зайчиков прямо в глаза. И это в ноябре, когда солнце показывается над Беллстоу от силы на час! Ни одно объяснение, впрочем, не понадобилось, и это ее даже немного задело.

Ближе к полудню она спустилась на кухню за кофе и уже взялась за ручку приоткрытой двери, когда услышала голоса.

— …целиком, говорю, от верха до пола! — рассказывал звонкий девичий голос. — Я утром пошла убирать, а там такое. Новая мисс зеркало шалью завесила.

— Как по покойнику, — подхватил второй голос, пониже. — Я бы тут тоже завесила. Бабка моя здесь служила, так она после заката в галерею одна ни ногой.

— А Мэри говорит, мистер Шейн в молодости…

— Хватит.

Голос миссис Хейл Иден узнала сразу.

— Хватит болтать. Шали мисс Мелтон вас не касаются, галерея тоже. И мистера Шейна оставьте в покое, вы о нем ничего не знаете. А вот картошка сама себя не почистит.

За дверью стало тихо, только стукнула о миску картофелина. Иден постояла еще секунду, чувствуя, как горят щеки, и ушла наверх, так и не взяв кофе. Мистер Талбот, выходит, предупреждал ее не зря, и к вечеру про шаль, наверное, будет знать половина Беллстоу.

Вернувшись к себе, она сдернула шаль одним движением, как срывают пластырь. Зеркало было залито серым дневным светом, и в нем отражались кровать, кресло, камин и сама Иден, растрепанная и сердитая. Больше никого.

Становиться в этом доме историей про новую мисс, которая завешивает зеркала, Иден не собиралась. В конце концов, это она сказала Артуру, что верит только тому, что видит сама, и прятаться теперь от старого зеркала в своей комнате было бы смешно. Если там кто-то есть, пусть смотрит. Она тоже будет смотреть.

Ночь прошла спокойно. А в воскресенье вечером, проходя мимо малой гостиной, Иден услышала голос Шейна и удивилась. При ней он так еще ни разу не разговаривал — вполголоса и неторопливо, будто ему некуда было спешить.

Дверь была приоткрыта. Эстелла сидела в зеленом кресле у камина, а Шейн устроился рядом на низкой скамеечке, вытянув длинные ноги, с газетой, сложенной на кроссворде.

— Шесть букв, — прочитал он. — «Тот, кто всегда прав».

— Бабушка, — не задумываясь, ответила Эстелла.

— В «бабушке» семь.

— Значит, в кроссворде ошибка. — Она похлопала себя по коленям, потом по подлокотнику. — Где мои очки?

— На тебе.

Миссис Беллкрофт обнаружила очки у себя на груди, на цепочке, и посмотрела на внука так, словно это он их туда повесил. Шейн улыбнулся. Иден впервые видела, как он улыбается, быстро, одним уголком рта, и лицо у него от этого стало моложе и проще.

Он поднял глаза и заметил ее в дверях.

Улыбка тут же пропала, хотя ничего враждебного в его лице не появилось. При посторонних он снова стал вежливым, вот и все.

— Вам что-то нужно? — спросил он.

— Нет-нет, я просто шла мимо и услышала голоса. Извините, если помешала.

— Заходите, мисс Мелтон, — велела Эстелла. — Нам нужен третий ум. Шесть букв, «тот, кто всегда прав».

— Клиент! — вырвалось у Иден раньше, чем она успела подумать. — У нас в ресторане это висело над раздачей. А повара приписали снизу «почти».

Шейн заглянул в газету.

— Подходит, — сказал он и вписал слово. При ее словах уголок рта у него дрогнул, но это, возможно, относилось к поварам.

— Я же говорила, нужен третий ум, — удовлетворенно заметила миссис Беллкрофт и показала тростью на свободное кресло.

Но Иден вежливо отказалась, поблагодарила, пожелала им спокойной ночи и ушла. До самой лестницы ее не оставляло чувство, будто она заглянула в чужое окно. И, если уж быть честной, ей стало настолько тепло от увиденного, что она заглянула бы еще раз.

Что там Мэри рассказывала про мистера Шейна в молодости, Иден так и не узнала, и это, как ни досадно, не давало ей покоя. Судя по тому, как быстро миссис Хейл оборвала девушек, история была не из веселых. Впрочем, гадать было глупо, а видела она пока немного: человека, из которого за завтраком слова не вытянешь, и того, кто сегодня сидел на низкой скамеечке и терпеливо читал бабушке кроссворд. Какой из них настоящий, Иден не взялась бы сказать. «Вы о нем ничего не знаете», — сказала горничным миссис Хейл, и Иден пришлось признаться себе, что она знала не больше их.

Зеркало по-прежнему вело себя обычно. В понедельник вечером Иден нарочно села напротив него с книгой и стала читать пометки вслух, от миссис Пул до злополучного апельсина. На лимонных тарталетках она сообщила зеркалу, что насчет сахара полностью согласна. В пустой комнате ее голос звучал довольно глупо, а зеркало показывало одну ее, в старом свитере и шерстяных носках.

Перед сном она на всякий случай пожелала ему спокойной ночи и впервые с приезда погасила лампу.

В темноте тонко звякнуло. Совсем тихо, словно кто-то тронул ногтем край бокала.

Иден полежала немного, глядя в потолок и слушая, как стучит сердце. Страшно почти не было, скорее любопытно, но лампу она все-таки снова включила. Для одного вечера проявлений храбрости было вполне достаточно.

Во вторник приехал электрик, причем не на автобусе, как грозилась отправить его Шарлотта, а на собственном фургоне, да еще в половине восьмого, на полчаса раньше обещанного. К полудню вторая печь ровно загудела, и мисс Беллкрофт стояла перед ней, скрестив руки, с таким видом, будто лично выиграла войну.

В тот же день пришла команда. Первой появилась Морин — плотная неторопливая женщина лет пятидесяти, которая, по ее собственным словам, двадцать лет простояла у печей гостиничной пекарни. После первого же противня она сказала, что у новой печи горячий угол справа сзади, и Иден поняла, что они сработаются. С Джейком было сложнее. Совсем молодой, с татуировкой венчика на запястье, он все время улыбался и… все время что-нибудь ронял. Зато тесто чувствовал руками, а этому не научишь. За прилавок Шарлотта взяла Кэти, тоненькую племянницу миссис Хейл. Спину Кэти держала так же прямо, как тетя, и все, что ей поручали, на всякий случай переспрашивала дважды.

Смены Иден расписала вечером: с пяти утра до двух, выходной в понедельник. Шарлотта прочитала график, ничего не исправила и положила его рядом с кассой, что у нее, как Иден уже успела понять, означало высшую похвалу.

С поставщиками пришлось повозиться. Масло с фермы за холмом оказалось отличным, желтым, с травяным запахом, и Иден, попробовав, не удержалась и отщипнула еще кусочек. Зато мука для хлеба от большой оптовой фирмы никуда не годилась, тесто из нее расплывалось по противню, как блин. Иден прямо заявила об этом, Шарлотта молча разломила пробную булку и долго смотрела на мякиш. К вечеру она уже договорилась с маленькой мельницей в соседнем графстве.

В среду после смены Иден наконец понесла книгу Фэрроу в починку. Шейн велел не клеить корешок самой, и она не клеила, хотя трещина наверху беспокоила ее всякий раз, когда книга открывалась на середине. Выручил Грег. Услышав про книгу, он почесал за ухом карандашом и сказал, что в переулке за церковью держит букинистический магазин старый мистер Эбботт, который заодно берется и за ремонт книг. Этот, мол, чинил Библию еще его отцу. Шарлотта, когда Иден спросила разрешения, махнула рукой: *«Несите, а счет пусть пришлет мне. И потом расскажете, о чем она еще спорит с отцом»*.

Магазин оказался крошечным, с колокольчиком над дверью. Книги стояли до самого потолка, лежали стопками на полу и на подоконнике, и пахло здесь клеем, кожей и старой бумагой. Сам мистер Эбботт, маленький, седой, с лупой на шнурке, вышел к ней из-за занавески, за которой, видимо, и была мастерская. Сверток он взял в руки так бережно, что у Иден отлегло от сердца. Он развернул промасленную ткань, прочитал надпись на форзаце и поднял брови.

— Фэрроу. Надо же, — пробормотал он. — Последний Фэрроу закрыл лавку, когда я еще в школу бегал. Я думал, от них в городе ничего не осталось.

Он повертел книгу, заглянул под корешок и одобрительно хмыкнул.

— Матерчатый переплет, позапрошлый век. Хорошая бумага, хорошая работа. Ею пользовались каждый день, — он показал на жирный след большого пальца в углу страницы, — и ее любили. Корешок поправим, это несложно.

Он медленно листал страницу за страницей, пока не дошел до двух, слипшихся намертво. Тут он остановился, поднес книгу к окну и долго разглядывал ее на свет.

— Сироп, — сказал он наконец. — Сто с лишним лет пролежал, стал как стекло. Потянете, и порвутся обе. Оставьте ее мне недели на две, я их потихоньку разделю паром.

— На две недели? — Иден невольно потянулась к книге. За неделю она привыкла каждый вечер читать хотя бы по паре пометок, как письма от знакомой, а сфотографировать успела от силы десяток страниц.

— Можно и быстрее, — невозмутимо согласился мистер Эбботт. — Если хотите все испортить.

Он чуть наклонил книгу к свету и вдруг нахмурился.

— А вот это уже любопытно. Взгляните-ка.

Иден подошла ближе. На просвет внутри склеенных страниц темнел прямоугольник с ровными краями, размером примерно с ладонь.

— Там что-то лежит, — сказал мистер Эбботт. — Похоже на бумагу, сложенную в несколько раз. И сироп идет ровной полоской по трем сторонам, видите? Пролить так нельзя, мисс Мелтон. Так можно только заклеить.

Глава 5. Ключ

19–21 ноября

Карбюратор третий день отказывался объяснять Шейну, что с ним не так. Он разобрал его в четвертый раз, разложил детали на чистой тряпке в том порядке, в каком снимал, и теперь сидел над ними, грея руки о кружку. В мастерской было холодно, как бывает только в каменных постройках, которые строили для лошадей, а не для людей. Обогреватель гудел у ног и грел, по сути, одни ботинки, но Шейна это устраивало: на холоде лучше думалось. «Нортон» с облупившимся баком хозяин ждал к Рождеству, и Шейн приходил сюда затемно, пока дом еще спал.

В углу, под брезентом, стоял еще один мотоцикл. Брезент Шейн не трогал с самого приезда и лишний раз в ту сторону не смотрел.

Без четверти пять во дворе стукнула дверь особняка. Вчера она стукнула в то же время, минута в минуту, и знать этого Шейн вовсе не собирался, просто окна мастерской выходили во двор. Иден в темном пальто шла к машине Артура, с термосом в одной руке и сумкой в другой, быстро, глядя под ноги. Под фонарем у ворот она все-таки поскользнулась на брусчатке, взмахнула термосом, удержалась и, кажется, засмеялась сама над собой. Уже у машины она обернулась и посмотрела в его сторону, на единственное освещенное окно. Шейн опустил глаза к карбюратору.

Кондитер его сестры. Приехала на полгода и, если верить Шарлотте, дело свое знала. Остальное его не касалось, в том числе зеркало под шалью и лицо, белое, как мука, в ту ночь, когда выбило пробки. Он видел и то и другое и ни о чем не спросил. Захочет человек рассказать, расскажет сам, а не захочет, значит, и лезть нечего.

Машина Артура уехала, а карбюратор так ничего и не объяснил, и Шейн взялся за него в пятый раз.

Телефон зазвонил в начале восьмого. Дэнни, который управлял мастерской, пока Шейна не было, так рано не звонил, если только где-нибудь не горело.

— Он согласился! — выпалил Дэнни вместо приветствия. — Тот коллекционер, помнишь? «Винсент» сорок девятого года, полная реставрация, раму привезут в январе. Деньги такие, что я письмо два раза перечитал. И хочет, чтобы делал ты сам. Лично, так и написал.

— В январе я вернусь.

— Я ему так и сказал. — Дэнни помолчал. — Ты там вообще как?

— Нормально. Бабушка ходит с тростью и командует всеми, кто не успел спрятаться.

— Значит, все как обычно, — рассмеялся Дэнни, обсудил с ним еще пару мелочей и отключился.

Шейн положил телефон экраном вниз. В январе так в январе. После праздников он соберет инструменты, уедет, и Беллкрофт-холл снова станет местом, куда приезжаешь на Рождество и откуда уезжаешь двадцать шестого, стараясь не хлопнуть дверью. Бабушка поправится, Шарлотта откроет свою пекарню, все пойдет своим чередом, и никто не будет ему ничего должен. Как и он никому.

Бабушка позвала его после обеда. Она сидела в малой гостиной, в зеленом кресле у камина, газета лежала рядом нераскрытой, и Шейн понял, что разговор будет не про кроссворд.

— Сядь, — велела она.

Он сел на скамеечку. Бабушка раскрыла ладонь, и на ней оказался ключ, длинный, потемневший от времени, с узорным кольцом. Шейн узнал его сразу, хотя не видел почти тридцать лет: этот ключ висел у деда на цепочке от часов и позвякивал о крышку, когда дед их доставал.

— От Большой гостиной, — сказала бабушка. — Я хочу, чтобы ты ее открыл. Сам, а не горничные и не рабочие Шарлотты. Эту комнату закрыла семья, семье ее и открывать.

Ключ Шейн не взял.

— Зачем?

— В Сочельник я хочу устроить прием. Настоящий, в Большой гостиной, с елкой до потолка, со свечами и с музыкой. Роуэн с семьей приедет семнадцатого декабря, Шарлотта с Домиником и так здесь. Твоей матери я написала. — Она помолчала. — Приедет или нет, это уж ее дело.

Шейн смотрел на ключ и думал о матери, потом о Роуэне — о старшем брате, который за все недели, что Шейн пролежал в больнице после аварии одиннадцать лет назад, заехал дважды, оба раза минут на десять и оба раза поглядывал на часы. Справедливости ради, у брата были причины не задерживаться. В двадцать два Шейн не пришел на встречу, за которую Роуэн поручился своим именем, и так ничего и не объяснил.

— Бабушка, туда тридцать лет никто не заходил.

— Двадцать девять, — с достоинством ответила она. — На прошлой неделе ты поправил меня при гостье, теперь моя очередь.

— Проводку там никто не проверял. Отопление, окна. Люстра, которая, может быть, держится на честном слове.

— Чинить пусть чинит хоть весь город, — ответила бабушка. — Счета пусть присылают мне.

— Людей я позову, когда пойму, что там, — сказал Шейн. — А до тех пор чужим там делать нечего.

— Вот поэтому я и прошу тебя, а не Доминика. Шейн, мне восемьдесят два года, и в октябре я упала на собственной лестнице. Когда падаешь в таком возрасте, очень быстро начинаешь считать, сколько у тебя осталось рождественских вечеров. Я хочу, чтобы хотя бы один из них прошел в этом доме так, как раньше.

— Дед бы не позволил…

— Твой дед запер ее в ту зиму, а я ему позволила. — Бабушка перевела взгляд на огонь. — Это была моя ошибка. Не только его.

Шейн взял ключ. Он был тяжелее, чем выглядел когда-то на цепочке у деда.

Вечером он дошел до двустворчатых дверей Большой гостиной и остановился. В детстве он мог открыть их, только повиснув на бронзовой ручке всем телом, а потом много лет проходил мимо, не поворачивая головы. Он достал ключ, подержал на ладони и убрал обратно в карман. Проводку все равно надо смотреть при дневном свете, сказал он себе, и это была правда… только не вся.

В пятницу утром в мастерскую пришла Шарлотта, в пальто поверх пижамы, с двумя кружками кофе и чем-то, завернутым в салфетку. По ее лицу Шейн понял, что бабушка ей уже все рассказала.

— Прием, старшая сестра на связи! — объявила Шарлотта и поставила одну кружку прямо на тряпку с деталями. Шейн тут же молча переставил ее. — Я уже в курсе. В Большой гостиной, с елкой. Ты знал, что она это задумала?

— Со вчерашнего дня.

— И ты согласился.

— Я взял ключ.

Она развернула салфетку и положила рядом с кружкой два имбирных печенья. В детстве она таскала ему такие с кухни по пятницам, когда он сидел наказанный, и делала вид, что просто шла мимо. Сегодня тоже была пятница, и выражение лица у нее было точно такое же.

— Иден вчера пекла, пробует рецепты для открытия. Съешь и скажи, что это лучшее печенье в графстве.

Шейн откусил. Печенье было острое, с имбирем и чем-то темным, вроде патоки, и рассыпалось ровно так, как нужно.

— Нормальное, — сказал он.

— Нормальное, — передразнила Шарлотта и закатила глаза. — Она, между прочим, сама сладкого почти не ест. Говорит, за день так напробуется, что вечером видеть его не может, и для себя печет одни лимонные тарталетки, такие, чтобы скулы сводило. — Она отпила кофе и добавила уже другим голосом: — Роуэн приедет семнадцатого. Мама, может быть, тоже. Шейн, пообещай мне одну вещь. Не уезжай двадцать шестого с утра, пока все спят, как в прошлый раз.

— Посмотрим.

— Это не ответ.

— Это ответ, — возразил Шейн. — Просто не тот, который тебе нужен.

Шарлотта вздохнула и без всякого перехода, как умела только она, заговорила о другом.

— А с Иден ты не разговаривал? Она всю неделю какая-то не такая. Бледная, по вечерам сидит у себя. Я уж думаю, не задела ли я ее чем-нибудь.

Шейн вспомнил шаль на зеркале.

— Спроси у нее.

— Я спрашивала. Говорит, все хорошо.

— Значит, все хорошо.

Шарлотта посмотрела на него долгим взглядом, потом на брезент в углу, задержалась на нем на секунду дольше, чем следовало, и отвела глаза.

— С тобой невозможно разговаривать, — беззлобно сказала она и ушла, прихватив свою кружку.

Второе печенье Шейн тоже съел. Через час он наконец нашел то, что искал три дня — трещину в поплавковой камере, тонкую, как волос. Он отложил камеру и долго смотрел в окно, на закрытые ставни Большой гостиной.

Открыл он ее сразу после обеда, пока не начало темнеть. Замок поворачиваться не хотел. Шейн капнул в скважину масла, подождал, попробовал еще раз, и только с третьей попытки внутри что-то со скрежетом поддалось. Тяжелая створка отворилась медленно, с долгим скрипом. В комнате пахло холодом, пылью и воском. Шейн нашарил на стене выключатель и щелкнул, хотя знал, что ничего не будет. Еще в ту ночь, когда в крыле Иден выбило пробки, он заметил, что в щитке у лестницы не хватает пробок от этой комнаты. Кто-то давным-давно вывернул их и унес, и Шейн догадывался, кто.

Он посветил фонарем. Мебель стояла под белыми чехлами, с потолка свисала огромная люстра, затянутая пожелтевшей пленкой. На паркете лежала пыль, ровная и нетронутая, такая толстая, что на ней оставались его следы. Высокие окна были наглухо закрыты ставнями. Он подошел к ним, отодвинул засовы и распахнул ставни одну за другой. В комнату вошел серый свет короткого ноябрьского дня, и стало видно, сколько здесь всего: камин в полстены, зеркала в простенках, затянутые тканью, рояль у дальней стены, тоже в чехле.

Елка тогда стояла в углу, у рояля, до потолка, как и хотела теперь бабушка, и на ней горели настоящие свечи. Отец поднял его на руки, чтобы он сам повесил стеклянную птицу с хвостом из тонких белых нитей. Шейну было шесть. Мать смеялась, отец танцевал с ней у камина, а дед стоял в дверях с часами в руке, и ключ на цепочке тихо позвякивал о крышку.

Через год, в ноябре, отца не стало, и в то Рождество двери уже не открыли. С тех пор они так и стояли запертыми.

— Можно?

Шейн обернулся. В дверях стояла Иден, еще в пальто и с пятнышком муки на рукаве. Видимо, только что вернулась из пекарни, увидела открытую дверь и не удержалась. Любопытная.

— Тут пыль и холод, — предупредил он.

Она все равно шагнула через порог и остановилась. Оглядела обмотанную люстру, рояль, распахнутые ставни, чуть наклонила голову и, кажется, принюхалась.

— Здесь снова пахнет свечами, — негромко сказала она. — Как будто их задули минуту назад и все только что вышли.

— Но вышли двадцать девять лет назад, — сказал Шейн.

Говорить этого он не собирался. Иден быстро взглянула на него.

— Давайте выйдем. Комнату нужно запереть, — ровно сказал он.

Она кивнула и уже в дверях обернулась.

— Простите.

И ушла, не дожидаясь ответа. Закрывая дверь, Шейн так и не решил, за что она извинялась: за следы на паркете или за то, что услышала в его словах больше, чем он хотел бы. Он проверил ручку и положил ключ в карман куртки. Ставни остались открытыми: утром ему нужен был свет, чтобы осмотреть рамы.

В субботу утром он вернулся туда с рулеткой и стремянкой. При дневном свете комната выглядела просто запущенной: две рамы снизу сгнили, в третьей треснуло стекло, по углам потолка расползлись рыжие разводы от давней протечки. Шейн заносил все в блокнот столбиком, как делал бы в чужом доме: рамы столяру, стекло стекольщику, потолок маляру. Так было легче.

Напоследок он поднялся на стремянку к люстре и отогнул край пленки. Изнутри тускло блеснули хрустальные подвески, помутневшие от времени, а старый провод, уходивший в потолок, крошился под пальцами.

Свет в гостиной он решил пока не включать. Сначала надо было проверить всю старую проводку, а на это нужен целый день, и чтобы никто не стоял над душой. Комната простояла темной двадцать девять лет, постоит и еще неделю.

Вечером он засиделся у бабушки, потом проверил котел в подвале и только ближе к полуночи вспомнил, что не выключил в мастерской обогреватель. Оставлять его на всю ночь рядом с бензином и промасленными тряпками было нельзя, так что Шейн накинул куртку и вышел во двор. Ночь была ясная и морозная. Над крышами висела почти полная луна, и снег на брусчатке казался под ней голубым. Шейн шел через двор, сунув руки в карманы, и пальцы правой руки наткнулись на ключ. Он остановился раньше, чем понял почему.

Окна Большой гостиной светились.

Свет был не белый, не лунный, а теплый, желтый и неровный, словно в комнате горели десятки свечей. По нему двигались тени, то наплывали на стекла, то отступали, и в этом движении был ритм, который Шейн узнал: на три счета, как в вальсе.

Первая мысль была о пожаре, но додумывал он ее уже на бегу.

В холле было темно и тихо. Он пробежал мимо часов, на ходу выдернул из кармана ключ, и смазанный накануне замок поддался с первого раза. Шейн толкнул створку и вошел внутрь. В комнате было холодно и пусто. Мебель белела под чехлами, люстра висела в пленке, под ней стояла стремянка, как он ее и оставил. Луч его фонаря прошел по паркету. В пыли тянулись его собственные прежние следы, от двери к окнам и от окон к люстре, а у самого порога отпечатались два следа поменьше — там, где в пятницу остановилась Иден. Других не было. В окна с распахнутыми ставнями смотрела луна, и не пахло ни гарью, ни свечным дымом.

Он долго стоял в дверях и слушал собственное дыхание. Наконец запер дверь, дважды проверил ручку и вышел обратно во двор.

На полпути к мастерской он все-таки обернулся. Окна Большой гостиной снова горели тем же теплым, неровным светом. И сквозь морозный воздух, так тихо, что он мог это и придумать, до него долетели три такта вальса.

Шейн отвернулся, вошел в мастерскую и закрыл за собой дверь.

Ключ от Большой гостиной остался лежать у него в кармане.

Глава 6. Вальс за дверью

22–24 ноября

Рождественский пудинг в Беллкрофт-холле делали всей семьей, и увильнуть не разрешалось никому.

— Даже гостям? — спросила Иден.

— Особенно гостям, — сказала Эстелла и указала тростью на табурет у стола. — Садитесь, мисс Мелтон. Вы профессионал, будете следить, чтобы Шарлотта ничего не испортила.

На кухне пахло так, что Иден вдруг захотелось домой: изюмом, вымоченным в бренди, мускатным орехом, корицей, апельсиновой цедрой и темной патокой. На столе стояла большая глиняная миска с паутинкой трещин на внешней поверхности, а в ней лежала смесь, над которой миссис Хейл колдовала с утра. Сама миссис Хейл стояла у плиты с видом человека, который делает это тридцать лет и сделает еще тридцать, если ему не будут мешать.

— У нас свои правила, — объяснила Шарлотта, повязывая фартук. — Три круга, с востока на запад, желание про себя. Восток у нас там, где окно, дед проверял по компасу. Кто скажет вслух, тот моет миску. Бабушка следит за этим строже, чем за налогами.

— За налогами следит мой бухгалтер, — заметила миссис Беллкрофт. — А за пудингом я.

Шарлотта мешала первой, сосредоточенно, закусив губу, и на третьем круге на секунду закрыла глаза. Потом протянула ложку Иден.

— Я же не из семьи, — попробовала возразить Иден.

— В этом доме мешают все, кто сидит за столом в декабре. — Эстелла посмотрела на нее поверх очков. — А вы, насколько я понимаю, будете сидеть.

Ложка была деревянная, темная, с ручкой, вытертой до гладкости чужими ладонями. Смесь поддавалась тяжело, как сырой песок. Иден вспомнила пометку из книги Фэрроу про отца, который десять лет загадывал одно и то же, и на последнем круге поняла, что сама не знает, чего попросить. Можно было пожелать, чтобы пекарня открылась в срок и не подвели печи. Или чтобы женщина в зеркале оказалась сном.

Но она загадала другое: чтобы отныне под ее десертами стояло ее имя. Желание было совсем не рождественское, зато честное. Иден положила ложку на край миски.

В дверях появился Доминик, в пальто, с ключами от машины в одной руке и телефоном в другой.

— Твоя очередь! — обрадовалась Шарлотта и протянула ему ложку.

Он прикрыл телефон ладонью и улыбнулся всем сразу и никому в отдельности.

— Загадай за меня, ладно? Я опаздываю.

Он поцеловал жену в висок, уже на ходу, и дверь за ним закрылась. Шарлотта, ни на кого не глядя, быстро помешала еще три раза, за него.

— Шейн, — не оборачиваясь, позвала миссис Беллкрофт.

Иден пропустила момент, когда он вошел, и не поняла, как Эстелла узнала, что внук здесь. Он стоял у двери во двор, в рабочей куртке, с пустой кружкой в руке, и, судя по лицу, рассчитывал налить себе кофе и так же тихо уйти обратно.

— Я в это не верю, — быстро сказал он.

— Тебя никто не спрашивает, веришь ли ты. Мешай.

Спорить Шейн больше не стал: с бабушкой это было бесполезно, и он знал это лучше всех. Только вздохнул, подошел к столу, взял ложку и помешал три раза, с востока на запад, ни разу не спутав направления. На третьем круге рука у него на мгновение замедлилась.

— Что загадал? — хитро поинтересовалась Эстелла.

— Бабушка, — укоризненно взглянул на нее Шейн. — Ты же знаешь, что желания нельзя произносить вслух. Иначе не сбудется.

Затем придвинул миску к ней. Мешала она медленно, сжав губы. Шейн стоял рядом и терпеливо держал посуду, чтобы она не поехала со стола.

Последним в миску отправился старый серебряный шестипенсовик. Миссис Беллкрофт достала его из кармана кардигана, подержала на ладони и опустила в тесто.

— Кому достанется на Рождество, у того будет счастливый год, — сказала она. — В прошлом году он попался Шейну.

— И он чуть не сломал зуб, — напомнила Шарлотта.

— К стоматологу пришлось идти, — кивнул Шейн.

Иден не удержалась и засмеялась. Ей показалось, что Шейн тоже улыбнулся, но разглядеть она не успела: он отвернулся.

— В Сочельник, мисс Мелтон, у нас будет прием, — сказала Эстелла, вытирая пальцы салфеткой. — В Большой гостиной, с елкой и с танцами. Вы приглашены.

— Как ваш кондитер? — попыталась сострить она.

— Как гостья, — отрезала миссис Беллкрофт.

Иден почувствовала, что улыбается шире, чем, возможно, положено нанятому персоналу, и честно призналась:

— Только вальс я так и не выучила. В двенадцать лет записалась на танцы, а через месяц студию закрыли.

— Научим, — пообещала Шарлотта. — У нас целый месяц.

Шейн, уже взявшийся за ручку двери во двор, зачем-то обернулся, словно хотел что-то сказать, но передумал и молча вышел.

Пудинг до вечера простоял на пару, и весь дом пропах изюмом и бренди. Потом миссис Хейл унесла его в кладовую: там ему предстояло дозревать до самого Рождества.

В ночь на понедельник Иден долго не могла уснуть. Будильник на четыре утра можно было не ставить, но сон все равно не шел. Она думала о приеме, о вальсе, который так и не выучила, и почему-то о том, как Шейн обернулся в дверях. Часы внизу отбили одиннадцать, потом половину двенадцатого. После двенадцатого удара в доме заиграла музыка. Сначала Иден решила, что это чей-то телефон, забытый на подушке за стеной. Но в этом крыле, как ей сказала миссис Беллкрофт, она жила одна. Музыка шла снизу, сквозь пол и стены, такая тихая, что ее легче было угадать, чем услышать. Играли скрипки и рояль, в ритме, который узнал бы кто угодно: раз, два, три… раз, два, три…

Иден села и посмотрела в зеркало: лампа у кровати, она сама с одеялом на коленях, и больше никого. Тогда она натянула кардиган поверх пижамы, взяла телефон и, подумав, сунула ноги не в тапочки, а в ботинки.

В коридоре горело одно бра, у поворота к галерее. Здесь музыка стала отчетливее, и к ней прибавился гул голосов. Внизу как будто собралась целая толпа: все говорили и смеялись разом, и ни слова было не разобрать.

В галерее было темно. Иден вспомнила слова о чьей-то бабке, которая после заката сюда одна не ходила, и прошла мимо портретов быстро, не поднимая глаз. На лестнице музыка стала громче, в холле звучала уже в полную мощь.

Под двустворчатой дверью Большой гостиной лежала полоса теплого света.

Иден остановилась на последней ступеньке. В пятницу Шейн сказал, что ему нужно запереть эту дверь, и, значит, ключ был у него.

Может быть, это он и есть, подумала она. Готовит гостиную к приему, работает среди ночи и включил радио. Мысль была такая утешительная, что Иден почти поверила в нее. Она решительно, отбросив глупые мысли и предрассудки, пересекла холл, взялась за бронзовую ручку и нажала.

Дверь открылась. В глаза ударил золотистый живой свет. Горели свечи, сотни свечей: в настенных подсвечниках, на каминной полке, на огромной елке в углу у рояля. Люстра сияла вся, до последней подвески, и хрусталь дрожал от музыки. Пахло хвоей, апельсинами, горячим вином и тем самым теплым воском с дымком, который она уловила у этих дверей в первый вечер. По натертому паркету кружились пары, и шелк их одеяний шуршал так, что было слышно сквозь звуки скрипки.

Иден стояла на пороге, не в силах пошевелиться.

Никто не обернулся, никто не заметил ее. Мимо, так близко, что она могла бы задеть его рукав, прошел лакей с подносом, уставленным бокалами, но не бросил на нее ни одного взгляда. Музыканты у рояля играли, не поднимая голов. Дама в лиловом смеялась, прикрывшись веером, над чем-то, что ей говорил пожилой господин. Иден стояла в двух шагах, но не могла разобрать ни слова.

А потом она увидела ее.

Женщина из зеркала танцевала у камина. Темно-зеленое платье с кружевом по вырезу и медовые волосы Иден узнала сразу, только теперь в ней не осталось ничего тихого и выцветшего. Щеки у нее горели, и она смеялась, запрокинув голову, как смеются, когда счастливы и не боятся, что кто-нибудь увидит.

Танцевала она с молодым человеком, темноволосым, в высоком воротнике. Он не сводил с нее глаз. Она что-то сказала ему, и он засмеялся и закружил ее быстрее. Его лицо Иден где-то видела, совсем недавно, но сейчас не могла вспомнить, где именно. Ей почему-то отчаянно захотелось понять, кто он и где она могла его видеть. Она хотела подойти ближе и уже подняла ногу, чтобы шагнуть через порог, когда за спиной раздался знакомый голос.

— Иден!

Свет погас разом, и вместе с ним исчезли музыка и голоса. Она стояла в темном холле перед закрытой дверью, и пальцы ее сжимали бронзовую ручку. Она нажала еще раз. Дверь была заперта.

Белый луч фонаря скользнул по полу и остановился у ее ботинок. Иден повернулась. Шейн стоял на другом конце холла, в куртке, наброшенной на свитер, и тяжело дышал, так что было видно: он бежал через весь двор.

— Вы тоже это слышали, — сказала Иден, и это был не вопрос.

Ответ последовал не сразу.

— Только последние такты. Со двора. — Он помолчал. — И в окнах Большой гостиной опять был свет.

— Что значит «опять»? — чувствуя, как неистово колотится в груди сердце, прошептала она.

— В субботу я уже видел его.

Шейн прошел мимо нее к двери, достал из кармана ключ, отпер замок и толкнул створку. Луч фонаря ушел в темноту. Иден заглянула в комнату из-за его плеча. В гостиной было пыльно и пусто. Луч прошел по паркету: в пыли нашлись только следы Шейна и два ее собственных, возле двери, еще с пятницы. Больше там ничего не было: ни огарка, ни отпечатков танцующих ног.

— Там была елка, — сказала Иден, и голос у нее был еле слышным. — У рояля, до потолка. И свечи. Там танцевали.

Шейн повернул голову. В отсвете фонаря по его лицу мало что можно было прочесть, но при словах про елку у рояля он быстро посмотрел в тот угол.

Он быстро закрыл дверь, запер ее и проверил ручку. Потом еще раз.

Иден понимала, как это звучит. Женщина в пижаме и ботинках среди ночи рассказывает про бал в запертой комнате. Если он сейчас скажет, что ей приснилось, она даже не обидится. Она бы и сама так подумала.

Но Шейн ничего такого не сказал. Он опустил фонарь и спросил о другом:

— А шаль на зеркале? В ту ночь, когда выбило пробки. Вы ведь завесили его не просто так.

Тогда он только посмотрел на шаль и промолчал. А теперь спросил. И Иден произнесла четыре слова, которые носила в себе с тринадцатого числа.

— В зеркале была женщина.

Он не засмеялся.

— У меня в комнате, — заторопилась Иден, пока не передумала. — Я поэтому и включила верхний свет. А сегодня она была там. — Она кивнула на дверь. — Танцевала. Живая, веселая, счастливая…

Часы в холле отбили четверть. Шейн долго молчал.

— Как она выглядела?

Он спросил это так, словно речь шла о женщине, которую действительно можно было увидеть. У Иден защипало в носу, и она стала сбивчиво рассказывать: зеленое платье, кружево, светлые волосы, смех. Он слушал, не перебивая, но смотрел не на нее, а на запертую дверь.

— Хорошо, потом разберемся, — сказал он наконец своим обычным ровным голосом. — Идите спать, Иден. У вас выходной, выспитесь. Мы еще обсудим это при свете дня.

Она не стала спорить, поднялась по лестнице и наверху, у перил галереи, оглянулась. Шейн стоял в темном холле у запертой двери, и луч его фонаря лежал на паркете светлым кругом.

Как ни странно, уснула она почти сразу, а утром ночь казалась сном. Иден почти уговорила себя, что так оно и было, пока не вышла в галерею и не остановилась перед портретом, мимо которого ночью пробежала, не поднимая глаз.

Это был молодой темноволосый мужчина в высоком воротнике, тот самый, что в первый вечер смотрел с холста так, будто собирался возразить художнику. Прошлой ночью это он смеялся и кружил в вальсе женщину из зеркала.

Латунная табличка под рамой потускнела, и Иден подсветила ее телефоном.

«Эверетт Беллкрофт».

Иден смотрела на первую букву дольше, чем на все остальные. «Для Э.»… два крошечных слова в углу страницы, будто написанные тайком. И запах жженого сахара в тот вечер, когда в зеркале появилась женщина.

Она тут же велела себе не выдумывать. На эту букву в Англии зовут каждого третьего.

Иден прошла вдоль галереи, светя на таблички. «Генри Беллкрофт, 1802–1871». «Августа Беллкрофт, 1811–1880». Она вернулась к портрету Эверетта: ни года рождения, ни даты смерти. У всех были даты. У всех, кроме него.

Через полчаса она стояла в дверях бывшей каретной. Внутри пахло маслом, железом и кофе. В углу горбилось что-то большое под брезентом. Шейн сидел над разобранным мотоциклом, и детали перед ним лежали на чистой тряпке ровными рядами, в каком-то своем порядке. Он заметил ее сразу, но молча ждал, что она скажет.

— Я нашла его, — выпалила Иден. — Того, с кем она танцевала.

Он положил гаечный ключ на верстак, вытер руки ветошью и пошел за ней, так и не сказав ни слова. В галерее он какое-то время смотрел на портрет, потом наклонился к табличке.

— Эверетт, — прочитал он. — Что ж, какой-то очередной предок.

— Но здесь нет дат! — горячо сказала Иден. — У всех есть, а у него нет.

— Вижу. — Он медленно провел пальцем по краю латуни. — Табличку не меняли, она ровесница раме. Даты просто не поставили.

— Почему?

Шейн не ответил. Он стоял рядом с ней перед портретом, и прошло уже гораздо больше времени, чем нужно, чтобы прочитать два слова.

— Мне нужно работать, — сказал он наконец, но не ушел, а протянул руку. — Дайте ваш телефон.

Иден удивилась, но телефон послушно отдала. Он набрал номер, дождался, пока в кармане его куртки прожужжало, и вернул ей телефон.

— Если опять начнется, напишите или позвоните. В следующий раз я хочу успеть сам все увидеть.

— А если в три часа ночи?

— Тогда только звонок.

И ушел, оставив ее перед портретом. Номер Иден сохранила под именем «Шейн, мотоциклы». На случай, если в ее жизни заведется еще какой-нибудь Шейн.

Во вторник без четверти пять Иден вышла во двор и в сторону мастерской даже не повернулась. Свет там горел, это она успела увидеть краем глаза, но решила, что хватит. Не девочка же она, чтобы каждое утро проверять, поднимет ли он голову от верстака, чтобы взглянуть на нее.

До машины Артура она дошла, глядя прямо перед собой. Смотрел ли Шейн ей вслед, она так и не узнала и до вечера злилась, причем не на него, а на себя — за то, что ей вообще хотелось это знать.

День выдался длинный. До открытия оставалось четыре дня, Морин пекла пробные партии булочек, Джейк уронил противень с имбирным печеньем и спас половину, а Кэти репетировала у кассы улыбку, которая к вечеру стала казаться очень теплой и совсем настоящей. Большой тестомес к обеду начал постукивать, и Морин, послушав его, как врач слушает пациента, сказала, что ей этот звук не нравится. Иден он тоже не понравился, но думать о нем сейчас было некогда.

В особняк Беллкрофтов она вернулась поздно, когда в доме погасили почти весь свет. Поднялась по лестнице, пошла через галерею, как ходила каждый вечер, но у портрета замедлила шаг. Эверетт Беллкрофт смотрел на нее из полутьмы.

— Кто ты такой? — тихо спросила Иден. — И почему у тебя даже нет дат рождения и смерти?

В дальнем конце галереи скрипнула половица.

Иден быстро обернулась. Галерея уходила в темноту, бра у поворота горело тускло, и в его свете н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.